

М.Л. ШУБ

**АКТУАЛЬНОЕ ПРОШЛОЕ: МЕСТО «MEMORY STUDIES»
В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

В настоящее время в пространстве актуальных направлений гуманитарных исследований феномен прошлого занимает особое место – к нему приковано внимание не только специалистов-историков, но и культурологов, философов, политиков и др. Данная статья посвящена анализу причин подобной актуализации интереса учёных-гуманитариев к феноменам прошлого, памяти, наследия (так называемые «memory studies»). Всё многообразие причин разделено на причины психологического, коммуникативно-технологического, научно-методологического, социокультурного и политико-идеологического порядка.

Ключевые слова: культура, время, прошлое, память, «memory studies»

Шуб Мария Львовна - доцент кафедры культурологии и социологии, Челябинская государственная академия культуры и искусств. Email: shubka_83@mail.ru

M.L. SHUB

**ACTUAL PAST: PLACE OF “MEMORY STUDIES”
IN THE SYSTEM OF MODERN HUMANITARIAN RESEARCHES**

Nowadays the phenomenon of the past takes a special place in the field of actual directions of humanitarian researches – it attracts attention of not only historians, but also culturologists, philosophers, politicians, etc. This article is devoted to the analysis of the reasons for such interest of humanitarian researchers in the phenomena of the past, memory, heritage (so-called “memory studies”). All variety of the reasons is divided into the reasons of psychological, communicative and technological, scientific and methodological, sociocultural, political and ideological type.

Keywords: culture, time, past, memory, “memory studies”

Shub Maria Lvovna - assistant professor at the Department of Cultural Science and Sociology, Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. E-mail: shubka_83@mail.ru

В целом проблема прошлого на сегодняшний день является достаточно актуальной. К ней обращаются уже не только историки, для которых прошлое – это естественное исследовательское «поле», но и гуманитарии в целом: культурологи, психологи, философы и даже политологи. Как писал один из наиболее известных исследователей феномена коллективной памяти П. Нора, «мы живем в эпоху всемирного торжества памяти... в последние двадцать или двадцать пять лет все страны, все социальные, этнические и семейные группы пережили глубокое изменение традиционного отношения к прошлому» [5]. Автор известнейшей работы, посвящённой изучению бытия прошлого в пространстве актуальной культуры – «Франция. Места памяти», убеждён: именно сила подобной трансформации породила то, что он именует «следами прошлого», а также актуализировала саму потребность в их обнаружении, сохранении, интерпретации, институализации в разного рода учреждениях (музеи, архивы и пр.) и практиках (коллекционирование, генеалогия, устная история и др.).

Конкретизируя подобный интерес к прошлому и к сопряжённым с ним феноменам, таким как память, история, воспоминания и др., отметим более конкретные причины усиления исследовательского интереса к так называемой «past-проблематике».

I. Причины психологического порядка. Данный блок можно рассмотреть под несколькими углами зрения.

Во-первых, актуализация прошлого коррелирует с галолирующими темпами прогресса науки и техники, с революционной футуризацией жизни, создающими психологический дискомфорт для среднестатистического человека, который не успевает за скоростями обновления, трансформации и модернизации бытия. Прошлое же (пусть и на символическом уровне) даёт ему некую устойчивость, предсказуемость и понятность, которых нет в настоящем. В наши дни, как полагает Г. Люббе, «необыкновенное внимание к артефактам прошлого и активное участие в ритуалах, организуемых вокруг них, объясняется тем, что усили-

ями исторического сознания компенсируется утрата чувства знакомого в культуре, утрата, обусловленная темпом изменений. Значимость таких усилий увеличивается прямо пропорционально процессу модернизации» [8, с. 212].

Уже упоминаемый нами П. Нора также связывает интерес к памяти в современную эпоху с нашим чувством ускоряющегося хода времени, которое, в свою очередь, является результатом стремительных темпов развития всех сфер жизни общества [5].

Обращение к феномену прошлого во многом связано и с естественной и вневременной психологической потребностью человека противопоставлять себя «одномерной повседневноности» (Я. Ассман): благодаря возвращению к прошлому в форме культурной памяти происходит преодоление одномерности обыденной жизни, поскольку универсальной функцией культурной памяти является обеспечение двухмерности или двухвременности человеческого бытия [4, с. 89].

II. Причины коммуникационно-технологического порядка.

Усиление интереса к феномену прошлого, кроме всего прочего, связывается и с появлением новых электронных форматов хранения и передачи информации, искусственной памяти, что, по мнению А. Ассман, может считаться новой культурной революцией (две предыдущие были связаны с изобретением письменности и книгопечатания). Технический прогресс провоцирует обезценивание, а потому утрачивание традиционных способов накопления и трансляции социальной и культурной памяти, что и актуализирует рост интереса к последней [3].

III. Причины научно-методологического порядка.

В связи с процессами демократизации истории, с существенным высвобождением исторических фактов и легализацией их авторских, а иногда даже и вне научных, вульгарных трактовок, произошли существенные изменения в понимании того, кто и как может заниматься изучением прошлого. Если раньше право доступа к нему было жёстко закреплено за учёными-историками, то во второй половине XX века оно распространилось на всех желающих. Так, например, согласно концепции американской исследовательницы С. Крейн, модернистская форма исторической памяти (традиционная, поддерживаемая силами исторической науки), которую она называет «культурой консервации прошлого», является тоталитарной, а потому недопустимой.

Эта форма, с точки зрения исследователя, заключается в насильственном навязывании индивиду, обладающему собственным историческим сознанием, той истории, которая создаётся историками [10, с. 71]. Любой человек, по мнению С. Крейн, имеет право на собственное прочтение, понимание, интерпретацию прошлого вне жёстких методологических и доктринальных рамок и ограничений. А это, в свою очередь, порождает расширение круга субъектов исторического познания, а также интенсифицирует обращение к проблемам прошлого.

Кроме того, многие современные учёные констатируют наличие глубокого кризиса исторической науки, связанного с масштабными историческими потрясениями XX века, с идеологией постмодернизма, расшатывающей традиции и основы исторической науки, с набирающими силу концепциями, которые отрицают непрерывность времени (М. Фуко, Ф. Бродель и др.), то есть, по сути, с утратой базовой основы исторического познания. Как пишет Ф. Артог, «в Европе смысл Истории – если понимать под смыслом значение, его осуществление или просто направленность – не выдержал испытаний XX века, а вместе с ним рухнуло и понятие универсальной истории» [1].

IV. Причины социокультурного порядка.

Усиление интереса к прошлому обусловлено и «страхом забвения», связанным с уходом из жизни свидетелей многих страшных социальных потрясений XX столетия (Первая и Вторая мировые войны и иные вооружённые конфликты, геноциды и пр.), с потребностью в консервации максимально объективной информации об этих событиях, со стремлением к сохранению памяти о них, к извлечению опыта на предельно продолжительное время и т.д.

А. Ассман, одна из ведущих немецких исследователей феномена культурной памяти, пишет в этой связи: «Как и память, понятие травмы с 1980-х годов прочно вошло в сознание западного человека и глубоко изменило его интуицию, его ценности и эмоциональность. Кровавые завоевания и разрушительные войны западных империй и народов конституируют «горячее прошлое», которое не исчезает автоматически лишь в силу уходящего времени, но остаётся с нами в нашем настоящем на «кровавых полях» Европы и во многих других местах по всему миру. Когда речь идет о травме... прошлое, настоящее и будущее разнообразными путями объединяются в единое це-

лое. По этой причине следы «преступлений против человечности», как мы их теперь называем, не исчезли тихо и без следа, но вновь с потрясающей силой проявились в 1980-90-е годы» [3].

Кроме того, тематика прошлого на фоне процессов глобализации и обострения контраста между глобальным и локальным, общемировым, интернациональным и национальным выступает идентификационной основой как для отдельных социальных групп, так и для государств в целом (одним из наиболее ярких примеров того, как в Новое время прошлое выступало основой для построения исторической идентичности целого государства, является Швейцария). То есть можно сказать, что интерес к прошлому спровоцирован, во многом, усилением процессов национальной, этнической, культурной, групповой идентификации, и, как следствие – дифференциации: «в современных условиях унификации этнических культур возрастает роль общности исторической судьбы как символа единства народа» [7, с. 163]. А формирование образа или символа «общей исторической судьбы», уникальности или даже избранности той или иной этнической группы или в целом государства невозможно без анализа общего для группы прошлого, её истории, культурной памяти и т.п.

Кроме того, в условиях исторических масштабных трансформаций и системных перестроек (и Россия в этом контексте – один из наиболее ярких примеров) мир столкнулся с «девальвацией больших объяснительных систем» или «метаповествований» (Ж. Лиотар), которыми выступали в разные эпохи религия, философия, наука. Следствием этого является утрата не просто мировоззренческой опоры под ногами, но и утрата сверхсмысла бытия. Применительно к России (да и к другим странам тоже) суть этой утраты может быть выражена в отсутствии или ослаблении национальной идеи. И именно прошлое способно выступить платформой для построения национальной идентичности, интегративной, консолидирующей и смыслообеспечивающей идеи.

V. Причины политико-идеологического порядка.

Прошлое всегда являлось и является сегодня предметом политических манипуляций, а нередко и спекуляций. Прошлое продолжает оставаться эффективным инструментом управления, используемым политиками в тесном союзе с историками, которые легитимизируют конъюнктурное использование истори-

ческого знания. Таким образом, создаётся новая история, оправдывающая и подкрепляющая современность; из прошлого вычлениется то, что способно удовлетворить актуальные запросы настоящего: «Конструкция прошлого – объект манипуляции и форма «властного дискурса», навязывающего массам образ прошлого (и будущего, и настоящего), выгодно элитам...это реальная борьба политических групп за интересы и власть через прошлое...» [9, с. 33].

Борьба за прошлое – это своего рода борьба за возможность сохранять монополию над сознанием, а, значит, и над коллективным поведением. Предельных, крайних точек такая борьба достигает в эпохи господства тираний или тоталитарных систем. Достаточно вспомнить роман Дж. Оруэлла «1984»: «Кто управляет прошлым, – гласит партийный лозунг, – тот управляет будущим; кто управляет настоящим, тот управляет прошлым». И, однако, прошлое, по природе своей изменяемое, изменению никогда не подвергалось. То, что истинно сейчас, истинно от века и на веки вечные. Все очень просто. Нужна всего-навсего непрерывная цепь побед над собственной памятью. Это называется «покорение действительности»; на новоязе – «двоемыслие» [6, с. 14].

Однако и сегодня, во время господства демократических настроений «память о прошлом может вызывать опасные мысли, и упрочившееся общество, похоже, опасается подрывных содержаний памяти... Воспоминание – это способ освободиться от данностей, способ связи, которая на мгновение сокрушает силу данностей. Память возвращает в воспоминание о прошлом ушедший страх и ушедшую надежду [4, с. 91]. Как сказано всё в том «1984» Дж. Оруэлла, чтобы прошлое было неопасным для существующего политического режима, с ним надо работать [6, с. 34]. И эта потребность также, наряду с другими причинами, актуализирует интерес к прошлому как важнейшему источнику настоящего.

В целом можно констатировать, что интерес к прошлому и на теоретическом, научном, и на повседневно-практическом уровне очевиден. Говоря о последнем следует вспомнить огромное количество театральных, кино- и песенных ремейков и ремиксов, набирающих популярность продуктов СМИ, в основе которых лежит «реанимация» прошлого и т.п.

Как писал известный французский историк Ф. Арьес, в Новейшее время произошло тотальное погружение в историю, в прошлое, и человек уже не может себя

чувствовать свободным от них [2, с. 119]. У. Эко в своей работе «Круговорот образов, понятий, предметов» также развивает мысль о том, что «современный человек идет вперед, свернув шею назад» [11, с. 45]. Философ имел в виду то, что единственный способ для человека XXI столетия безболезненно адаптироваться к быстро меняющемуся миру заключается в нахождении некой стабильной платформы, в ориентирах прошлого.

Список литературы

1. Артог Ф. Времена мира, история, историческое письмо / Ф. Артог // «НЛО» Независимый филологический журнал. – 2007. – № 83. – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/83/ar3.html>.
2. Арьес Ф. Время истории / Ф. Арьес; пер. с франц. и примеч. М. Неклюдовой. – М.: ОГИ, 2011. – 304 с.
3. Ассман А. Трансформации нового режима времени (пер. с англ. В. Кучерявкина под ред. А. Скидана) / А. Ассман // «НЛО» Независимый филологический журнал. – 2012. – № 116. – URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2012/116/a4.html#_ftnref7.
4. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность высоких культурах древности / Я. Ассман / Пер. с нем. М.М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
5. Нора П. Всемирное торжество памяти / П. Нора // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2-3(40-41). – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html>.
6. Оруэлл Дж. 1984 / Дж. Оруэлл. – М.: Азбука, 2009. – 189 с.
7. Репина Л.П. Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии / Л.П. Репина // Феномен прошлого. Отв. ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2005. – С. 122-170.
8. Савельева И.М., Полетаев А.В. Историческая память: к вопросу о границах понятия / И.М. Савельева, А.В. Полетаев // Феномен прошлого. Отв. ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2005. – С. 170-221.
9. Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом: источники и репрезентации: Препринт WP6/2005/02 / И.М. Савельева, А.В. Полетаев. – М.: ГУ ВШЭ, 2005. – 52 с.
10. Филиппов А.Ф. Конструирование прошлого в процессе коммуникации: теоретическая логика социологического подхода / А.Ф. Филиппов // Феномен прошлого. Отв. ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2005. – С. 67-96.
11. Эко У. Vertigo: Круговорот образов, понятий, предметов / У. Эко. – М.: СЛОВО/SLOVO, 2009. – 458 с.